УДК 94(47+57)"1917/1922"
ББК 63.3(2)6; 63.3(0)61
Г 75

Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Ответственный редактор – д-р ист. наук В.М. Рынков
Ответственный секретарь – канд. ист. наук В.В. Журавлев

Рецензенты

д-р ист. наук А.А. Николаев (Институт истории СО РАН)
д-р ист. наук П.П. Вибе (Омский государственный историко-краеведческий музей)

Г 75 **Гражданская война в России:** проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Рынков, отв. секр. В.В. Журавлев; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2022. – 406 с.

ISBN 978-5-98901-255-8

Сборник включает статьи, посвященные различным аспектам истории Гражданской войны в России, проблемам историографии, теории и методологии. Авторы сосредоточили свое внимание на наиболее дискуссионных вопросах, связанных с изучением завершающего этапа Гражданской войны и ее окончанием в различных регионах. Статьи являются расширенными версиями докладов, представленных на одноименную международную научную конференцию, посвященную 100-летию окончания Гражданской войны (Новосибирск, 5–7 сентября 2022 г.) исследователями из России, Беларуси, Казахстана и Узбекистана. Структура сборника отражает основные направления работы конференции. Книга адресована историкам, политологам, а также всем интересующимся историей.

УДК 94(47+57)"1917/1922"
ББК 63.3(2)6; 63.3(0)61

ISBN 978-5-98901-255-8

© Коллектив авторов, 2022
© Институт истории СО РАН, 2022

УДК 355.083(470+571)(092)
doi:10.31518/978-5-98901-255-8-76-84

А.В. Ганин

Первый советский год бывшего генерала Я.А. Слащева-Крымского: новые документы*

A.V. Ganin

The First Soviet Year of Former General Ya.A. Slashchev-Krymsky: New Documents

Аннотация. Статья посвящена новым документам о пребывании генерала Я.А. Слащева-Крымского в Советской России в 1921–1922 гг. Впервые вводятся в научный оборот документы Российского государственного военного архива.

Ключевые слова: Я.А Слащев-Крымский, завершение Гражданской войны, РККА, Белое движение.

Окончание широкомасштабной Гражданской войны знаменовало начало процесса возвращения недавних эмигрантов, не прижившихся за границей, на родину. Одной из наиболее крупных фигур среди вернувшихся был генерал-лейтенант Яков Александрович Слащев-Крымский (29.12.1885–11.01.1929).

После выхода монографии автора этих строк о Слащеве [Ганин, 2021] обнаружились новые документы, проливающие свет на детали первого советского года жизни генерала. В основном эти материалы относятся к попыткам Слащева получить строевую должность в Красной армии или найти себе иное применение, затрагивают вопросы материального положения и его тайную вынужденную работу на советские органы госбезопасности.

Возвращение Слащева с небольшой группой единомышленников в Советскую Россию из Константинополя в ноябре 1921 г. стало результатом успешной операции советских спецслужб. Одиозного генерала, известного своей жестокостью, большевики блестяще использовали для дискредитации и раскола военной эмиграции, на преподавательской

* Выражаю глубокую благодарность за содействие заместителю директора Российского государственного военного архива В.И. Коротаеву.

работе, а также для тайного осведомления. Планы самого Слащева, насколько можно судить, были совершенно иными. По нашему предположению, основанному на изучении большого массива источников, возвращение Слащева было обусловлено его идеей взорвать Красную армию изнутри, для чего он стремился в Советской России получить в подчинение реальную вооруженную силу. Незадолго до возвращения Слащев вел активную работу по подготовке военного реванша белых в союзе с украинскими националистами [Ганин, 2022]. Характерен и список предложенных Слащевым ВЧК «единомышленников», среди которых такие ярые противники большевиков, как генералы А.П. Богаевский, С. Клыч-Гирей и В.Г. Науменко, С.Г. Улагай [Русская военная эмиграция, 1998. С. 115]. Соратник Слащева Б.Н. Войнаховский посоветовал чекистам еще и генерала П.Н. Краснова. Как известно, Клыч-Гирей, Краснов и Науменко продолжили борьбу с советской властью и в годы Второй мировой войны уже в сотрудничестве с гитлеровцами. А.П. Богаевский умер в 1934 г., но также отличался непримиримостью к большевикам. Не было оснований усомниться в приверженности идеалам Белого движения и генерала Улагая. Эти предложения приняты не были, а сам Слащев по приезде не получил в подчинение никакой вооруженной силы.

27 января 1922 г. датирован рапорт по делу Слащева, составленный куратором Якова Александровича – помощником начальника 16-го специального отделения Особого отдела ВЧК И.И. Сосновским (Добржинским) (перевербованным полутора годами ранее польским разведчиком). Документ был адресован заместителю начальника Особого отдела А.Х. Артузову. В рапорте отмечалось:

«…В настоящее время настроение группы Слащева сводится к следующему:

1) Слащева очень волнует отсутствие результатов по сути его заявления на имя тов. Троцкого. Он говорит: “В обращении к белым я призывал к строительству, а на практике сам занимаюсь преступным бездействием”. Заметно, что Слащев начинает нервничать.

2) Слащев и его группа просили меня возбудить пред соответствующей инстанцией вопрос об усилении денежного снабжения и выдаче обмундирования (3 заявления прилагаю).

По сути прошу Ваших распоряжений»[1].

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 44.

Копию этого рапорта заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт на следующий день переслал председателю РВСР Л.Д. Троцкому, отметив, что содержание группы Слащева обходится крайне дорого, и просил сообщить о планах Троцкого в этом вопросе[1].

Судя по всему, значительного улучшения положения Слащева не наступило, так как он продолжал оставаться недовольным своим материальным положением. 9 марта 1922 г. он написал об этом куратору из Государственного политического управления (ГПУ; ВЧК была переименована в феврале 1922 г.) – помощнику начальника 16-го отделения Особого отдела ГПУ И.И. Сосновскому:

«Глубокоуважаемый товарищ Игнатий Игнатьевич!

Обстоятельства вынуждают меня обеспокоить Вас по некоторым касающимся меня вопросам.

Начну с хозяйственных. Паек наш все продолжает сокращаться недодачей самых необходимых продуктов, как-то: чай, сахар и т.п., а также ухудшением остальных. Все было бы поправимо, если бы была возможность докупать их на рынке, но для этого нужны средства. Норма выдачи мне содержания совершенно не определена, и я не знаю, на что рассчитывать. На те несколько сотен тысяч рублей, которые приходятся на мою долю, в неделю вдвоем при теперешнем падении рубля прожить трудно. Невозможно даже починить сапог. Все мои настойчивые попытки что-нибудь заработать, несмотря на мои переговоры с тов. Лебедевым, как Вы сами знаете, терпят фиаско – это касается не только службы, но и литературного труда (неизвестность о дальнейшей судьбе моей статьи, невозможность получить карты и планы). Поэтому я вынужден просить Вас доложить кому следует, что я прошу улучшить мое положение и устроить мне личное свидание с лицами, от которых зависит моя судьба.

Считаю себя вправе просить последнее, так как во время моей работы в Константинополе от имени наркомов мне в смысле службы было обещано совсем другое положение, чем то, в котором я нахожусь сейчас, кроме того, мое воззвание к русским беженцам налагает на меня известное нравственное обязательство, которое заставляет меня беспокоиться за тех лиц, которые этому воззванию доверились бы.

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 43.

Буду ожидать Вашего ответа – жму Вашу руку и остаюсь готовым к услугам»[1].

Речь шла об обещанной Слащеву командной должности. По-видимому, бывший генерал все еще надеялся сыграть роль в истории, акцентировал внимание адресата на важности сделанного им воззвания к эмигрантам и обязательствах перед вернувшимися. Ни большевики, ни чекисты не собирались к этому прислушиваться. Единственное, на что было обращено внимание – это материальное положение Слащева.

17 марта 1922 г. по приказанию заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта в известность об этом заявлении Слащева поставили Л.Д. Троцкого. В сопроводительном письме заместитель начальника Особого отдела ГПУ А.Х. Артузов отмечал, что «относительно его (Слащева. – *А. Г.*) содержания в части “хозяйственных” вопросов считаю необходимым сообщить, что после посылки нам Слащевым этого письма проживающие вместе с[о] Слащевым на тех же условиях ген[ерал] Мильковский[2] и полк[овник] Мезерницкий[3] явились к нам с категорическим заявлением, что они считают получаемую норму содержания совершенно достаточной»[4]. Почему Слащеву, в отличие от его соратников, не хватало средств, неясно.

24 марта 1922 г. начальник Штаба РККА П.П. Лебедев подготовил доклад Троцкому о материальном положении Слащева и о его научной работе. В докладе Лебедев сообщал:

«…Материальная сторона у Слащева урегулирована. Ему назначено содержание в 20 000 000 руб. в месяц, чем он, по его личному заявлению мне, удовлетворен.

Первая литературная работа Слащева оказалась неудобной для печати. Статья его недурна, но в ней резко проявляются те его черты, которые еще более оттолкнут от него широкие массы, именно слишком прямолинейные взгляды на необходимость суровой дисциплины.

---

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 177.

[2] Мильковский Александр Степанович (13.01.1873–?) – генерал-майор, вернулся в Россию вместе со Слащевым.

[3] Мезерницкий Мстислав Владимирович (12.04.1895–21.08.1937) – полковник, вернулся в Россию вместе со Слащевым.

[4] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 176–176 об.

Дал ему некоторую нашу военную литературу по операциям на врангелевском фронте для составления параллельных статей с потусторонним[1] освещением дела.

Свел Слащева с т. Петровским и последний принимает меры к предоставлению Слащеву возможности начать работу по ГУВУЗу[2]»[3].

Речь шла о главном начальнике военно-учебных заведений РККА Д.А. Петровском, который, видимо, вскоре и смог устроить Слащева в Высшую стрелковую школу «Выстрел».

Контакты Слащева строго контролировались. 1 марта 1922 г. датировано сообщение секретаря президиума ГПУ в управление делами РВСР, направленное по поручению И.С. Уншлихта. В документе разъяснялось, что «письма на имя Слащева следует направлять зам[естителю] нач[альника] Особ[ого] отдела тов. Артузову»[4]. Таким образом, вся служебная корреспонденция бывшего белого генерала должна была проходить через ГПУ.

Сам бывший генерал в это время уже являлся секретным агентом ГПУ. По неизвестным причинам Слащева направили наблюдать за религиозными акциями в Москве. В сводке 6-го отделения Секретного отдела ГПУ от 13 марта 1922 г. отмечено, что 7 марта Слащев присутствовал на собрании толстовцев и фиксировал речи, которые там произносились. 11 марта генерал был на собрании адвентистов с той же целью, докладывал он и о политической активности других религиозных деятелей [Архивы Кремля, 1998. С. 58–59]. Думается, вряд ли хождение по религиозным собраниям сильно привлекало генерала. Видимо, в дальнейшем, когда он устроился на службу, задачи поменялись, после чего Яков Александрович докладывал о разговорах и настроениях в военных кругах. Впрочем, произошло это не сразу. Еще в декабре 1922 г. Слащев докладывал о собрании баптистов и толстовцев [Шенталинский, 2011. С. 71].

Устроившись летом 1922 г. на службу в школу «Выстрел», 3 августа Слащев побывал на приеме у начальника Штаба РККА П.П. Лебедева и снова просил о более широкой работе, «дабы ускорить процесс его

[1] Имеется в виду – двусторонним.

[2] ГУВУЗ – Главное управление военно-учебных заведений.

[3] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 141. Л. 175.

[4] Там же. Л. 122.

ассимиляции»[1]. Около 5 августа Лебедев доложил об этом главкому С.С. Каменеву, который признал, что крупное строевое назначение Слащева еще несвоевременно. С этим был согласен и сам Лебедев, в связи с чем дальше этот вопрос не докладывал. Но Слащев в итоге подал рапорт, дошедший до председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. Последний 15 августа запросил от Лебедева справку о Слащеве[2]. В ответ на это 17 августа Лебедев изложил в записке Троцкому все предшествующие события в отношении Слащева.

Иллюстрацией того, что вопрос со строевым назначением так и не сдвинулся с мертвой точки даже через несколько лет, служит письмо Слащева от 4 февраля 1925 г., обнаруженное в фонде Политического управления (ПУР) РККА. К сожалению, установить адресата письма не удалось. По-видимому, это один из руководящих работников ПУРа, во всяком случае человек, стоявший ближе Слащева к большевистскому армейскому руководству. По одной из версий это мог быть А.И. Медведкин (19.02.1900–19.02.1989) – ветеран 1-й Конной армии, молодой работник ПУРа, ставший впоследствии народным артистом СССР и даже назвавший дочь Чонгарой – по наименованию Чонгарского полуострова в Крыму, за который велись бои в 1920 г. Впрочем, это лишь предположение.

Слащев писал:

«Уважаемый Александр Иванович!

Согласно Вашего совета рапорт подал (для ускорения разбора предыдущего). Дальнейшее уже будет зависеть не от меня. В этом рапорте я, конечно, не мог повторить тех причин моей просьбы, о которых я указывал в предыдущем, потому что тот шел прямо только через Куйбышева[3], секретным порядком, а этот идет нормальным путем, поэтому кратко повторю Вам мотивы моей просьбы.

1) В Константинополе мне было обещано использование меня по строю, и это же повторено здесь – между тем, я попал в положение пленного белого офицера, но никак не в положение сознательного

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 493. Л. 224.

[2] Там же. Л. 225.

[3] Куйбышев Николай Владимирович (13.12.1893–01.08.1938) – начальник Стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава РККА имени III Коминтерна «Выстрел» (до января 1925 г.).

работника сов[етской] власти, добровольно, да еще со скандалом с Антантой[1] приехавшего сюда.

2) В смысле приемлемости моего имени в армии я указывал, что срочной службы красноармейский состав давно переменился. Со средним и старш[им] ком[андным] составом, при работе с ним у меня, как Вы сами знаете, складывались вполне нормальные отношения – следовательно, остается дело за высшим к[омандным] с[оставом] – так что о приемлемости или неприемлемости, по-моему, много говорить не приходится, а надо дать поработать.

3) Мое убеждение, что полное доверие я смогу заслужить только на полях сражений – а у СССР есть окраины, где не всегда спокойно и где я мог бы быть использован лучше, чем в школе[2].

4) Положение неполноправного и не заслуживающего доверия от государства, которому приехал служить, резко порвав со всем старым, для меня крайне тяжело.

5) Преподавать тактику, долго отсутствуя из строя, нельзя. Человек неминуемо будет становиться теоретиком, что вредно для слушателей.

Вот Вам основные положения моего первого рапорта. Второй подан мною 2/II и находится уже у начкома[3], т.е. прошел учебный отдел и пом[ощника] нач[альника] школы.

В настоящее время я еще более настойчиво прошу об уходе, потому что атмосфера мне уж больно не по нутру – это, конечно, совершенно не касается нового начкома, потому что мы еще друг друга не знаем. Постоянные споры из-за несогласия с делом, как Вы знаете, далеко не приятны и, в конце концов, приведут к полной необходимости покинуть школу – молчать же, Вы знаете, бывает нельзя. Все это вместе взятое еще усугубляет мое тяжелое нравственное состояние, вызванное недоверием ко мне сверху.

Итак, буду очень просить поторопить разбор моего первого рапорта и дать мне возможность служить действительно в армии.

---

[1] После исчезновения Слащева из Константинополя французская контрразведка оцепила его дачу на Босфоре и провела тщательный обыск. Кроме того, допрашивались лица, причастные к отъезду генерала в Россию.

[2] Правильно – курсы. Имеется в виду школа «Выстрел».

[3] Начальник и комиссар «Выстрела». Эту должность с января 1925 г. занимал Г.Д. Хаханьян. Хаханьян Григорий (Григор) Давидович (Тер-Хаханьян) (29.12.1895–22.02.1939) – советский военный деятель.

Во всяком случае, прошу об извещении о результатах.

Иван Дмитриевич скоро собирается приехать в Москву по делу вместе с Зин[аидой?] Кон[стантиновной?][1] – будет очень приятно его повидать.

С приветом Я. Слащев[2]
4/II/25

Кроме всего, в моем первом рапорте я прошу разрешения сделать личный доклад одному из членов Рев[олюционного] воен[ного] совета, чтобы окончательно выяснить свое положение – на этой последней просьбе я теперь особенно настаиваю, и для этого мне нужно разрешение и указание сверху.

С[лащев]»[3].

Письмо представляло собой очередную попытку Слащева добиться назначения на строевую должность в Красной армии. Бывший генерал сетовал, что данные ему советскими агентами в Константинополе обещания не были соблюдены и что, добровольно вернувшись в Россию, он оказался на положении пленного белого офицера. Жаловался он и на тяжелую обстановку на курсах (переименованы из школы в 1924 г.) «Выстрел»: «Атмосфера мне уж больно не по нутру… постоянные споры из-за несогласия с делом».

Неоднократные просьбы Слащева о предоставлении ему строевой должности не прекращались несколько лет, но так ничем не увенчались. Это и понятно, ведь такое назначение потенциально нелояльного, неуправляемого человека таило немалую опасность для властей. Знаменитый белый военачальник был использован большевиками в соответствии с их целями, тогда как его собственные пожелания руководителей СССР и Красной армии не интересовали.

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] В документе фамилия Слащев указана через о.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 229. Л. 31–31 об.

Литература

Архивы Кремля. Новосибирск; М.: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1998. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. 647 с.

Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М.: Фонд «Русские витязи», 2021. 256 с.

Ганин А.В. Тайные договоры генерала Я.А. Слащева-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 353–374.

Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов: док-ты и мат-лы. М.: Гея, 1998. Т. 1: Так начиналось изгнанье. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. 751 с.

Шенталинский В.А. Донос на Сократа. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 622 с.